

Се Чжэн поднял взгляд.

Он учился в Линъюане, но после выпуска вернулся в Чэньань, чтобы основать компанию, и не был здесь уже много лет.

В позапрошлом году в университете Y сменился ректор, кампус перенесли; всё внутри было новым и светлым — по сравнению с прошлым университет разительно преобразился.

Ранней весной на низких галереях нежно цвели глицинии, вдали пробивалась молодая зелень, и всё это дополнялось шумными криками и смехом студентов.

Се Чжэн выудил из кармана брюк сигарету, сунул её в рот и невнятно пробормотал:

— Мать твою, ну и энергия.

Его друг, Сун Цинъюань, взглянул на него:

— ...Не выражайся.

И добавил: — И не кури.

Се Чжэн усмехнулся.

Дорогая зажигалка, сделанная на заказ, крутанулась в его пальцах, но поджигать сигарету он не стал.

Черты лица у Се Чжэна были резкими, словно высеченными ножом; его полуулыбка выглядела порочно и угрожающе. Стояла жара, поэтому черный пиджак он снял и перекинул через руку. Серебристо-серый галстук был запихнут в карман черной рубашки, которая плотно обтягивала мощные грудные мышцы. Рукава были закатаны, обнажая смуглые предплечья с выступающими узлами вен.

В этом году ему исполнился тридцать один — разница со студентами составляла около десяти лет, да и темперамент был совершенно иным. Если говорить прямо, он походил на бандитского авторитета из гонконгских боевиков, у которого за поясом заткнут ствол и который в любой момент готов перевернуть стол.

Студенты редко видели людей, настолько похожих на мафиози. Наверняка они решили, что Се Чжэн пришел кого-то «зажать». Те, кто мог, обходили галерею с глициниями за версту, а те, кто не мог — опускали головы и, краснея, ускоряли шаг, боясь, что на них обратят внимание.

Се Чжэн знал, что его боятся.

Когда мимо проходил один из студентов, он намеренно припугнул его:

— Боишься меня, а?

В последние годы, после изобретения подавляющих ошейников для Омег, почти все «О» перестали делать инъекции, перейдя на разноцветные аксессуары.

Студент, которого напугал Се Чжэн, был без ошейника. Судя по росту и телосложению, он, скорее всего, был Альфой.

Се Чжэн тоже был «А». Обычно между Альфами не существует такого абсолютного

подавления, как в паре А и О, но у парня, к которому обратился Се Чжэн, лицо побледнело, и он мгновенно покрылся потом.

Сун Цинъюань был вне себя от негодования:

— Вот когда придет школьная охрана и вышвырнет нас обоих, тогда и будешь радоваться.

Се Чжэн усмехнулся:

— Сколько еще до твоего дома?

— Только пересечь кампус. Не забудь, что обещал мне: когда я уеду, ты будешь как следует заботиться о моих цветах.

— Знаю, — Се Чжэн говорил либо пугающе, либо панибратски. — Буду прислуживать им, как родным предкам.

Помолчав, он добавил, обращаясь к Сун Цинъюаню:

— Спасибо.

В тридцать один год, если ты всё еще холост, вопросы о поиске пары, свадьбе и детях встают в повестку дня.

Родители Се Чжэна придерживались традиционных взглядов: «Ты же не можешь прожить один всю жизнь. Должен быть хоть кто-то рядом, чтобы присмотреть за тобой, когда заболеешь».

Се Чжэн никогда не лез за словом в карман и не щадил даже родителей: «У меня есть деньги. Я найду сиделок, пусть они чистят мне яблоки, кормят с ложечки и танцуют на шесте».

После этого родители три недели держали его в игноре, объявив холодную войну.

Но на этом дело не закончилось. Родители начали устраивать свидания вслепую. Омег обоих полов с завидной регулярностью приглашали в кафе неподалеку от дома, где они застенчиво и с надеждой поглядывали на Се Чжэна. Се Чжэн раздраженно потушил окуроч в кофейной чашке, понимая, что так продолжаться не может.

Он знал, почему родители внезапно так помешались на его женитьбе: сын их близкого друга женился месяц назад. Свадьба была громкой и пышной. Молодожены стояли рядом и целовались под диктовку ведущего — выглядело это очень сладко и счастливо.

Невестка оказалась очень хваткой, и в паре они работали так слаженно, что сын друга заметно расслабился и стал чаще бывать дома. Слушая хвастовство друга, родители Се Чжэна загорелись идеей.

Се Чжэн не верил, что семейная жизнь может быть вечно идеальной — бытовуха и мелочи жизни не могут всегда приносить радость. Сейчас он просто ждал, когда у этой новоиспеченной парочки случится какой-нибудь скандал, который охладит разгоряченные головы его родителей.

Но до тех пор он не хотел больше выслушивать понукания, однако съехать в другое место было сложно — родители проверяли историю его расходов.

Как раз в это время Сун Цинъюань, преподававший в Линъюане, собрался в отпуск. Ему нужен

был человек, чтобы присмотреть за цветами, и он предложил Се Чжэну пожить у него, чтобы тот мог затаиться. Се Чжэн согласился.

Сун Цинъюань покачал головой:

— За что спасибо? Мы друзья столько лет, не церемонься.

Помедлив, он с любопытством спросил:

— Неужели ты настолько против? Правда не думал никого найти?

Раздался щелчок — крышка зажигалки открылась и закрылась. Се Чжэн всё-таки прикурил сигарету.

Его лицо окутало дымом, сквозь который Сун Цинъюань видел лишь насмешливую ухмылку:

— Не пекись обо мне, лучше позаботься о себе. Во время отпуска пройди по больницам. А, и для начала вылечи свою импотенцию.

Сун Цинъюань обреченно поправил:

— ...Это сенсорная дисфункция генов феромонов.

Се Чжэн развязно рассмеялся.

Над кампусом прозвенел звонок — вероятно, на обеденный перерыв. Студенты, полные жизни и аппетита, высыпали из учебных корпусов. Все они были так молоды. Сун Цинъюань был преподавателем на кафедре скульптуры; студентов на кафедре было немного, но он вел занятия и у других групп. В этот момент из корпуса как раз выходили будущие художники.

Целая толпа студентов, перепачканных невысохшей краской, завидев Сун Цинъюаня, весело заголосила: «Здравствуйте, учитель Сун!»

Затянувшись, Се Чжэн подумал, что у студентов-художников со вкусом действительно всё в порядке: каждый из них был одет со вкусом и выглядел симпатично.

Перед студентами Сун Цинъюань держался как подобает преподавателю:

— Закончили? Скорее идите обедать. И не бегайте, не прыгайте.

Студенты хором соглашались и обходили его, направляясь вперед. Только тогда они заметили Се Чжэна, стоявшего под галереей.

Смех и разговоры мгновенно стихли. Студенты сбились в кучу и, словно нашкодившие щенки, поспешили уйти. Только когда они миновали Се Чжэна, шум голосов возобновился.

В кармане Се Чжэна завибрировал телефон. Достав его, он увидел, что звонит один из его ассистентов. К Сун Цинъюаню подошла новая группа студентов, и разговор явно затягивался, поэтому Се Чжэн ответил на звонок:

— Говори.

Ассистент быстро затараторил, отчитываясь о проделанной за утро работе. По идее, ни один ассистент не станет звонить боссу во время обеда с докладом, но Се Чжэн был другим

руководителем. Он не из тех, кто дает подчиненным полную свободу — он любил держать всё в своих руках, стремясь к абсолютному контролю.

Подул свежий, светлый ветер, и мелкие лепестки глицинии посыпались сверху, оседая на голове Се Чжэна. Се Чжэн не нашел в этом ничего романтического. Он цыкнул, прижал телефон плечом к уху, оперся локтями о перила за спиной и, нахмурившись, посмотрел вверх на цветы.

Ассистент сказал:

— Брат Се, это всё.

Се Чжэн взглянул на Сун Цинъюаня. Увидев, что студенты вокруг него почти разошлись, он бросил ассистенту «угу» и повесил трубку.

Он уже собирался выпрямиться, когда услышал, как Сун Цинъюань повысил голос:

— Сяо Лу! Иди сюда.

В ответ издалека раздался голос — такой же светлый и свежий, как тот ветерок:

— Учитель Сун!

Се Чжэн скосил глаза.

Трое студентов шли по противоположной стороне дороги, но, услышав зов, направились к ним. Ни у одного на шее не было ошейника — значит, все Альфы. Парень в центре был самым заметным: высокий, в ярко-желтой куртке и джинсах. Кожа очень белая, лицо необычайно красивое, улыбка солнечная, а глаза послушно сощурены. Походка и движения у него были легкими, как у ловкого кота.

Когда парень в желтом подошел ближе, Сун Цинъюань достал из сумки ключ и протянул ему:

— Забыл отдать тебе ключ от мастерской. Как раз думал, с кем передать, и тут ты.

— Хорошо, — парень забрал ключ. Его интонации располагали к себе. — Учитель, не забудьте, что сегодня вечером у нашей группы ужин.

— Помню.

Сун Цинъюань дал еще пару наставлений:

— Беги скорее обедать.

Юноша кивнул и зашагал дальше.

Когда он проходил мимо Се Чжэна, тот выпустил изо рта струю дыма, вынул истерзанный зубами окуроч и затушил последние искры о перила.

Трое парней, проходя мимо него, одновременно притихли. Парень в желтом, кажется, бросил на него мимолетный взгляд, зацепился кроссовком за выступающий кирпич и резко пошатнулся вперед.

Парень падал прямо в сторону Се Чжэна, но тот даже не шелохнулся, продолжая опираться на перила и не выказывая ни малейшего намерения помочь. Он выдохнул дым и сквозь белую

пелену посмотрел в небо.

К счастью, парень справа подхватил его:

— Ты в порядке, Сяо Лу?

Юноша, казалось, даже обрадовался и прыснул со смеху:

— Ага-а.

Бросив окурок в урну, Се Чжэн подошел к Сун Цинъюаню:

— Твой студент?

— Да. Лу Лу. Фамилия — «дорога» (Лу), имя — «олень» (Лу). Я уже говорил тебе, что у меня в группе есть очень одаренный студент, это он.

Се Чжэн вспомнил, как Лу Лу только что чуть не растянулся. Одаренный? Что-то не заметно. Скорее, просто большой тупица. Глупый олень.

У Сун Цинъюаня не было своего жилья; ради удобства он снимал квартиру в жилом комплексе недалеко от задних ворот университета. Семнадцатый этаж, просторно и чисто, а сразу у входа — буйная зелень всевозможных растений.

Се Чжэн прислонился к стене, слушая, как друг объясняет способы ухода за всей этой флорой. Среди зелени стояли разные скульптуры: гипсовые, резные из дерева и даже бумажные.

Се Чжэн рассматривал одну гипсовую фигуру, и Сун Цинъюань пояснил:

— А это работа Сяо Лу.

Гипсовая статуя в половину человеческого роста изображала мужчину, накрытого вуалью. Полупрозрачная гипсовая ткань казалась невероятно мягкой, она плотно облегла кожу, сквозь нее проступали жесткие черты лица мужчины.

Се Чжэн спросил:

— Хорошо сделано?

— Исключительно талантливо. Текстура передана просто великолепно.

Се Чжэн небрежно положил локоть на макушку статуи. Работа, которой так восхищался учитель Сун, его совершенно не интересовала. Он лениво усмехнулся, и из-под рубашки на мгновение показалась часть татуировки.

У Сун Цинъюаня пискнул телефон. Взглянув на экран, он заулыбался.

Заметив многозначительную улыбку друга, Се Чжэн спросил:

— Что там? Пара нашлась?

Сун Цинъюань ткнул телефоном прямо в лицо Се Чжэну:

— Это не мне пишут, это про тебя спрашивают.

[24-й курс, Дизайн среды, Ван Чучу: Учитель Сун, а кто это сегодня был рядом с вами в черном костюме? Он тоже преподаватель в нашем вузе? Или ваш друг?]

Та порочная аура, что исходила от Се Чжэна, пугала, но в то же время была чертовски притягательной. Всегда находились те, кто, зная об опасности, всё равно летел на этот огонь, как мотыльки.

Но Се Чжэну всё это было безразлично. Кем бы ни был человек, он отказывал всем. Так случилось и в этот раз. Се Чжэн весело рассмеялся, но слова его были беспощадны:

— Убери подальше.

Сун Цинъюань убрал телефон, снедаемый любопытством:

— Кто же тебе всё-таки нравится?

Се Чжэн ответил:

— Красивые.

Сун Цинъюань: «...Тот маленький актер, который за тобой бегал, был недостаточно красив? Чистый небожитель, а ты на него и не взглянул».

Се Чжэн прищурился и усмехнулся. Он не лгал: ему действительно нравились красивые. Но в его понимании определение «красоты» отличалось от того, что ценили другие Альфы.

Из-за генетики Омеги после дифференциации становились всё нежнее, их черты лица были мягкими, как вода. Се Чжэну же, наоборот, нравилось что-то более суровое. Для него тонкая талия не значила ничего по сравнению с выступающими венами на тыльной стороне ладони или тонкими, крепкими запястьями. У Се Чжэна не было жажды разрушения. У него была жажда обладания.

Дневник Се Чжэна [Пятнадцать лет назад]

Первый день в старшей школе. Подрался в переулке. Где-то потерял пуговицу от школьной формы. Мать твою.

Проект был переведен командой Sherekili Novels

<http://bllate.org/book/17015/1608102>